

**СОДЕРЖАНИЕ УЧЕБНЫХ ДИСЦИПЛИН
В РИТОРИЧЕСКИХ ШКОЛАХ ГАЛЛИИ IV – V ВВ.**

В нашей первой публикации, посвящённой грамматическим и риторическим школам провинции Галлия [1], мы рассмотрели организацию учебной деятельности на втором и третьем этапах обучения будущих ораторов, юристов, государственных служащих. В предлагаемой вашему вниманию новой статье мы продолжаем изложение темы «Высшие школы в западных провинциях Римской империи (на примере Галлии IV – V вв.)», раскрывая один из интереснейших её аспектов, связанных с изучением содержания учебных дисциплин в учебных заведениях гуманитарного профиля.

В высшей школе Бурдигалы в недрах целостного гуманитарного знания существовала своеобразная специализация учебных дисциплин, обусловленная научными пристрастиями преподавателей. Одни «законам стиха обучали и рифмам учили» (Avs. Profes. 3, 3 – 4; 5, 12 – 13; 21, 14), других более привлекала история («Ливия был ты знаток и Геродота трудов» – *ibid.* 20, 7 – 8); третьи шли по стезе Пифагора (*ib.* 11). Кто-то был силён в «вымыслах мифов» (*ib.* 21, 25 – 27) или в древнем законотворчестве (22, 13). Однако всех преподавателей объединяли такие профессиональные качества, как красноречие, учёность, преданность научным идеалам.

Авзоний уверен, что каждый хороший преподаватель внёс свою лепту в формирование будущих риторов или адвокатов. Алетий Минервий дал им «знаний когорту» (6, 21 – 22), грамматик и ритор Непоциан был «в стиле лучше

других» (15, 10 – 11), Эксуперий обучал эстетике одежды и жестов (17, 1 – 3).

Следовательно, риторическая школа давала знания, формировала умения и навыки, применяемые в юриспруденции и разнообразных жанрах красноречия, знакомила с элементами театрального искусства, также востребованного представителями ораторского искусства. Авзоний, вполне довольный своей образованностью, написал про риторическую школу: «... юношей многих она *образовала вполне*» (Profes. 14, 10).

Произведения Авзония и Аполлинария Сидония [2], а также их письма позволяют нам более подробно осветить программу обучения в риторических школах. Упоминания имён представителей греческой и римской культуры, цитирование их произведений, литературные заимствования устойчивых словосочетаний, выученных в школе, дают нам возможность выявить каноны в образовательной практике высших учебных заведений гуманитарного профиля, отметить изменения, произошедшие в риторических школах от IV к V веку [3].

В таблице, приводимой ниже, мы указываем имена деятелей античной культуры, известные нашим «респондентам», расположив их в хронологическом порядке, а с помощью знака «+» обозначаем степень осведомлённости Авзония и Аполлинария Сидония с их творениями. Подчёркнутыми являются имена, знакомые обоим галльским аристократам.

Представители античной культуры	Авзоний	Аполлинарий Сидоний
---------------------------------	---------	---------------------

<u>Гомер</u> – автор поэм «Илиада» и «Одиссея» (VIII в. до н.э.)	+	+
<u>Гесиод</u> – греческий поэт (VIII – VII вв. до н.э.)	+	+
<u>7 греческих мудрецов</u> : Солон, Хилон, Клеобул, Фалес, Биант, Питтак, Периандр (VII – VI в в. до н.э.)	+	+
<u>Архилох</u> – греческий лирик (VII в. до н.э.)		+
<u>9 лирных певцов</u> : <u>Пиндар</u> , Симонид, Ваххилид, Стесихор, Ивик, Алкман, Анакреонт, <u>Алкей</u> , <u>Сапфо</u> (VII – VI в в. до н.э.)	+	Подчёркнутые имена
<u>Эзоп</u> – греческий баснописец (VI в. до н.э.)	+	
<u>Пифагор</u> – греческий философ (VI в. до н.э.)	+	+
<u>Эсхил</u> – греческий трагик (VI – V вв. до н.э.)		+
<u>Софокл</u> – греческий трагик (V в. до н.э.)		+
<u>Еврипид</u> – греческий трагик (V в. до н.э.)		+
<u>Геродот</u> – греческий историк (V в. до н.э.)	+	+
<u>Платон</u> – греческий мыслитель (V – IV вв. до н.э.)	+	+
<u>Аристотель</u> – греческий философ и учёный (IV в. до н.э.)		+
<u>Исократ</u> – греческий оратор, учитель риторики (V – IV вв. до н.э.)	+	
<u>Демосфен</u> – греческий оратор и политический деятель (IV в. до н.э.)	+	+
<u>Эсхин</u> – греческий оратор и политический деятель (IV в. до н.э.)		+
<u>Демад</u> – греческий оратор и политик (IV в. до н.э.)		+
<u>Евклид</u> – греческий математик (IV в. до н.э.)		+
<u>Менандр</u> – греческий комедиограф (IV – III в. до н.э.)	+	+
<u>Эпикур</u> – греческий философ (IV – III в. до н.э.)	+	
<u>Невий</u> – римский поэт (III в. до н.э.)		+
<u>Зенодот</u> – александрийский грамматик (III в. до н.э.)	+	
<u>Архимед</u> – математик и физик (III в. до н.э.)	+	
<u>Хрисипп</u> – греческий философ-стоик (III в. до н.э.)	+	+
<u>Плавт</u> – римский комедиограф (III – II в. до н.э.)	+	+
<u>Катон</u> – римский политический деятель (III – II в. до н.э.)	+	+
<u>Л. Афраний</u> – римский писатель (II в. до н.э.)	+	+
<u>Л. Луцилий</u> – римский сатирик (II в. до н.э.)	+	
<u>Аристарх</u> – александрийский грамматик (II в. до н.э.)	+	
<u>Теренций</u> – римский комедиограф (II в. до н.э.)	+	+
<u>Варрон</u> – римский учёный-энциклопедист (II – I в. до н.э.)	+	+
<u>Катулл</u> – римский лирик (I в. до н.э.)	+	
<u>Тибулл</u> – римский поэт (I в. до н.э.)	+	
<u>Проперций</u> – римский поэт (I в. до н.э.)	+	
<u>Левий</u> – римский поэт (I в. до н.э.)	+	
<u>Саллюстий</u> – римский историк (I в. до н.э.)	+	+
<u>Лукреций Кар</u> – римский поэт и философ (I в. до н.э.)	+	
<u>Цицерон</u> – римский оратор и политический деятель (I в. до н.э.)	+	+
<u>Вергилий</u> – римский поэт-эпик (I в. до н.э.)	+	+
<u>Гораций</u> – римский поэт (I в. до н.э.)	+	+
<u>Овидий</u> – римский поэт (I в. до н.э. – I в.)	+	
<u>Сенека Старший</u> – римский писатель (I в. до н.э. – I в.)	+	+
<u>Сенека Младший</u> – римский философ (I в. до н.э. – I в.)	+	+

<u>Цезарь</u> – римский политический деятель и писатель (I в. до н.э.)	+	+
Тит Ливий – римский историк (I в. до н.э. – I в.)		+
Персий – римский поэт (I в. до н.э.)	+	
Сулпиция – римская поэтесса (I в.)	+	
<u>Лука</u> н – римский писатель эпического жанра (I в.)	+	+
<u>Стаций</u> – римский поэт (I в.)	+	+
Петроний – римский писатель (I в.)		+
Арунтий Стелла – панегирист Тита Флавия (I в.)		+
Плиний Старший – римский гос. деятель, учёный, писатель (I в.)	+	
Плиний Младший – римский писатель (I – II в.)	+	
<u>Тацит</u> – римский историк (I – II в.)	+	+
Светоний – римский писатель (I – II в.)		+
Марциал – классик римской эпиграммы (I – II в.)	+	
Ювенал – римский поэт (I – II в.)	+	
Аниан – римский поэт (I в.)	+	
Лентул Гетулик – автор эпиграмм (I – II в.)		+
<u>Апулей</u> – римский писатель, адвокат (II в.)	+	+
Флор – римский историк (II в.)	+	
Теренциан Мавр – римский грамматик (II в.)		+
<u>Юстин</u> – странствующий проповедник и писатель (II в.)	+	+
Фронтон – римский оратор и адвокат (II в.)		+
Филострат Старший – греческий писатель (II – III вв.)		+
Дион Кассий – греческий историк (II – III вв.)	+	
Аммиан Марцеллин – римский историк (IV в.)		+
Симмах – римский оратор и политический деятель (IV – V вв.)		+

Анализируя этот список, мы можем отметить, что греческая литература изучалась в риторических школах поздней Галлии не хуже, чем латинская. Знаменитые греческие поэты и писатели (18 имён), философы, ораторы, историки (18 имён) в той или иной степени были знакомы и Авзонию, и Аполлинарию Сидонию. В списке имён нет известного греческого комедиографа Аристофана, хотя Менандр, знакомый образованным провинциалам по комедиям Теренция, изучавшимся в школе, встречается довольно часто, особенно у Аполлинария Сидония. Нам не удалось обнаружить упоминаний имени крупнейшего греческого историка Фукидида, произведения которого тщательно изучались в грекоязычных областях Римской империи. В то же время

римских историков Авзоний и Аполлинарий Сидоний знают. Но они воспринимают историю как собрание занимательных рассказов, вызывающих уважение к славным страницам прошлого римского государства и надолго остающихся в памяти силой нравоучительных примеров. Сидония привлекали также анекдоты, помещённые у Светония и Юстина, а имена таких серьёзных историков, как Саллюстий, Цезарь, Аммиан Марцеллин, он упоминает лишь вскользь. Авзоний тоже не разделяет серьёзного пристрастия к истории некоторых своих коллег. Вспоминая, например, просхола (помощника преподавателя) Виктория, увлечённого историей больше, чем творчеством Вергилия и Цицерона, он с пренебрежением говорит о страсти

юноши к договорам, родословным, древним законодательствам, считая, что эти «свитки – угодье червей» (Profes. 22, 3 – 4).

Имена крупнейших греческих ораторов общественно-политической направленности: Демосфена, Исократа – упоминаются в литературном наследии Авзония и Аполлинария Сидония очень редко. Это может свидетельствовать об утрате в Галлии IV – V вв. потребности в обличительном красноречии и культивировании прославляющего его вида – основы панегириков. Оба автора высоко почитают, тем не менее, Цицерона, но никогда ему не подражают, считая недостижимым образцом. Оба автора упоминают 33 имени одних и тех же выдающихся представителей греческой и римской культуры, что составляет 40% от общего количества (82) имён, выявленных нами в эпистолярном и поэтическом творчестве Авзония и Аполлинария Сидония. Эти цифры позволяют сделать вывод, что стержень программы обучения в риторических школах оставался неизменным. Самые знаменитые авторитеты Греции и Рима: Гомер, Гесиод, Платон, Демосфен, Менандр, Катон, Теренций, Саллюстий, Цицерон, Лукан, Апулей и некоторые другие – изучались в Галлии и в IV, и в V вв. Особенно примечательно то, что в поздней Галлии греческая и римская культура по-прежнему рассматривались как достояние всей Римской империи, в то время как в восточных провинциях в IV в. изучалась только культура эллинов. Однако изменения в программе обучения также можно выявить. В Лугудуне, в отличие от Бурдигалы, и в V в. интерес к греческому наследию был большим. Это могло быть следствием процессов политического развития Галлии: Лугудун долгое время был столицей провинции, поэтому греческое влияние имело больше «шлюзов» для своего внедрения. В Бурдигале в IV в. акцент в преподавании делался на римское

литературное наследие республиканской эпохи, в Лугудуне V в. «учебные программы» были более актуализированы: видимо, местные преподаватели считали, что для студентов гораздо более полезным является знакомство с произведениями, созданными в эпоху империи. Авзоний производит впечатление более начитанного студента, чем Аполлинарий Сидоний: ему известны имена 62 деятелей античной культуры, в то время как Аполлинарий Сидоний демонстрирует знание лишь 54 имён. Авзоний в большей степени увлечён архаической римской литературой (Катоном, Л. Афранием, Л. Луцилием), римскими поэтами-лириками I в. до н.э.: Катуллом, Тибуллом, Проперцием. Однако Аполлинарий Сидоний, несмотря на его сетования по поводу падения уровня преподавания греческого языка в V в., владеет им в совершенстве и, в отличие от Авзония, которому греческий давался с трудом, упоминает греческих трагиков V в. до н.э. Он лучше знает греческое ораторское искусство, в том числе ораторов и политиков IV в. до н.э. Эсхина и Демада. Его больше, чем Авзония, привлекает греческая философия (Аристотель, Хрисипп), греческие писатели эпохи империи (Филострат Старший). Аполлинарий Сидоний в большей степени интересуется историей, а Авзоний – литературой: у первого мы встречаемся с именами Тита Ливия, Аммиана Марцеллина, у второго обнаруживаем упоминания об Овидии, Марциале, Ювенале, неизвестные Аполлинарию Сидонию, хотя поэты «золотого века», Вергилий, Гораций, очень часто называются им. Личные склонности Аполлинария Сидония влекли его к Фронтому, Лукану и особенно Стацию. Нельзя не заметить сходства между восхваляющими императора Домициана (81 – 96) стихотворениями придворного поэта Стация и панегириками Аполлинария Сидония, к которым он

прибегал, чтобы снискать благосклонность правителей: Авита, Майориана, Анфемия. Лукан привлекал его пышностью языка, полётами фантазии; Фронто представлял интерес из-за архаического стиля, уже ставшего экзотикой, бесчисленных словесных трюков и парадоксов. Таким образом, не правильность, ясность и чистота латинской речи, которыми гордился даже Авзоний, но, напротив, вычурность, неестественность, искусственность, манерность языка и стиля ценятся превыше всего Аполлинарием Сидонием. Подобные литературные пристрастия и вкусы были сформированы риторической школой накануне гибели Западной Римской империи. Некоторые специалисты [4], объясняя этот феномен, считают, что «злоупотребления» в латинском языке являлись своеобразной реакцией на вульгаризацию языка и литературы, появившуюся с внедрением в Римскую империю многочисленных варварских племён. Со своей стороны отметим, что интерес к претенциозной литературе и искусственному языку должен был соответствовать духовным потребностям галльской знати. Изысканными средствами художественного самовыражения элита галльского общества пыталась изолировать себя от захлестнувшей эту провинцию варварской культуры, создать гарантии социальной защищённости в изменяющейся исторической среде. Высшие риторические школы отвечали реализации этих потребностей романизированной аристократии Галлии. Не случайно поэтому литературная образованность, наряду со знанием языков, латинского и греческого, составляли ядро их «учебных программ». Внимание к другим предметам гуманитарного цикла уделялось здесь в значительно меньшей степени. Однако из писем Аполлинария Сидония и поэм Авзония мы узнаём, что в высших

школах преподавали философию, право, историю. В Лугудуне Аполлинарий Сидоний познакомился с трудами крупнейших греческих философов V – IV в. до н.э., Платона и Аристотеля, но не проявил к ним большого интереса. Отсутствие интереса, вместе с тем, не являлось следствием плохого преподавания этих дисциплин. Напротив, Аполлинарий Сидоний расхваливает своих учителей-философов. О Евсевии, объяснявшем на языке оригинала сочинения Аристотеля, он пишет: «Боже мой! Что за драгоценные объяснения. Если бы кто перенёс их или к сикамбрам, жителям болот, или к аланам, уроженцам Кавказа, или к гелонам, доящим кобылиц, нет сомнения, затверделые сердца этих зверских и суровых народов, их ледяные нравы смягчились бы и растаяли, и мы бы не видали, не осмеивали, не страшились безумных вспышек их зверского и дикого невежества» [5].

Философия Платона, по всей видимости, была более распространена в Западной Римской империи, так как находила своих последователей среди апологетов христианства. Почитатели Платона составляли братство «Collegium Complatonicozum», как называет его Аполлинарий Сидоний. Священник Виенской церкви и знаменитый преподаватель Лугудунской школы Маммерт Клавдиан удостоен самых лестных отзывов от Аполлинария Сидония за мудрость и педагогическое мастерство, сопровождавшие изучение Платона: «Боже мой, как радушно и открыто принимал он всех, кто приходил к нему за объяснениями. Ему было наслаждение, когда случайно возникшая, по-видимому, неразрешимая запутанность вопросов давала ему возможность обнаружить сокровища своих знаний. Если нас *сходило* много, все были *слушателями*, но только одному, кого, быть может, мы сами избрали бы, *давалось право говорить*.

Таким образом, в порядке, перед каждым по очереди расточались богатства его учения и счастливо приспособленные движения сопровождали каждую фигуру речи. Едва только он выставлял известное положение, мы встречали его логическими доказательствами *противного*, и он должен был разрушать задорные возражения. Таким образом, ни одно положение не воспринимались иначе, как взвешенное, доказанное» [6]. Аполлинарий Сидоний был знаком с разными философскими направлениями, в том числе с эпикурейством и стоицизмом, популярными в древнем Риме, однако его знания не отличались глубиной. Он не разбирает философских учений, не высказывает своего отношения к идеям и направлениям философской мысли. Видимо, эта учебная дисциплина волновала его гораздо меньше, чем риторика. Из восторженных похвал преподавателям философии мы можем почерпнуть сведения разве только о методике преподавания этого предмета, когда лекции сочетались с обстоятельными обсуждениями волновавших студентов проблем, а приёмы софистики (в частности, контroversия, упомянутая в фрагменте) сопровождалась тщательным анализом философских положений. Основной интерес для Аполлинария Сидония представляли образы философов, их внешности, привычки. Он упоминает о смехе Демокрита, плаче Гераклита, неопрятности Диогена, но не пытается прокомментировать их концепции и труды. Стихи Аполлинария Сидония дают возможность создать представление о восприятии структуры философии как науки в поздней Галлии. Основными «отраслями философии», по мнению Аполлинария Сидония, были: диалектика («искусство рассуждать»), геометрия, математика, астрономия и музыка («Послание о замке Понтия Леонтия». 2 – 3). Не следует удивляться тому, что

точные науки названы им как составные части философии: только Платон и Аристотель использовали понятие «философия» в смысле, близком к современному. Аполлинарий Сидоний, подобно позднеантичным философам, видел в этой науке не теоретическую картину мироздания, а всеобщее правило практической жизнедеятельности. Союз точных наук: геометрии, арифметики, астрономии, к которым по греческой традиции добавлялась музыка, составлял так называемый квадриум, который нередко рассматривается Аполлинарием Сидонием через призму учения Пифагора о гармонии чисел, которому он придавал большое значение.

Рациональное и прагматичное восприятие философии Аполлинарием Сидонием позволяют нам понять его восторженные отзывы об учёном Маммерте Клавдиане. Он, музыкант, геометр, знаток священных книг, любитель греческой и римской литературы, Аполлинарием Сидонием называется «истинным философом» и высоко оценивается как преподаватель учения Платона (Epist. IV, 11). Авзоний в «Гриффе о числе три» также раскрывает свои познания в области философии, данные ему школой. Он считает, что в философии три части (24), которые в комментариях к поэме, сделанных М. Гаспаровым, названы как «физика, этика, диалектика» [7]. Очевидно, что этика как раздел нравственной философии была утрачена в образовательном процессе Галлии к V в., так как в сочинениях Аполлинария Сидония она не упоминается. Авзоний, выставляя напоказ свою эрудицию и одновременно намекая на осведомлённость в учении Платона, в «Гриффе о числе три» сообщает, что существуют три «родовые начала вещей: бог, материя, форма, – первый родитель, вторая рождает, третья родится» (47 – 49). Ему известны также учения о «первозлементах»: земле, воде, огне (74).

Раскрывая свои познания по физике, под которой подразумевается квадривиум, он излагает элементарные знания в области геометрии, называя три вида треугольников, главные геометрические фигуры; он также заставляет нас решить математическую головоломку с чётными и нечётными простыми числами (50 – 59). Со школьной скамьи запомнил Авзоний и основы астрономии, изучающей «положение, дальность и яркость звёзд» (75). Он использует древние названия звёзд и планет: Титан-Солнце, Фенон-Сатурн. Авзоний знает о явлениях полярного дня и полярной ночи, но ошибочно перемещает их в тропики, в «эфиопский степной край» («О разных предметах». 11 – 12). В отличие от Аполлинария Сидония, он не упоминает «о блуждающих планетах и звёздах, рассеянных вне зодиакального пояса, и о влиянии светил, стоящих в наклонностях зодиака» (Апол. «Послание о замке Понтия Леонтия». 2). Этот факт позволяет нам предположить, что Авзоний меньше увлекался астрологией, чем его учёный собрат, хотя астрология в Римской империи получила статус «науки» и была включена в «учебные планы» многих высших школ. Из таинственной фразы Авзония «в музыке лад тройной, и трояко её проявление: слышится в слове, таится в звёздах и зрится на сцене» («Гриф о числе три». 76 – 77), мы можем сделать вывод о том, что Авзоний был знаком с тремя музыкальными ладами: дорийским, фригийским и лидийским, также различал три ритма музыки: звучащую в речах и плясках и мировую («музыку сфер») [8]. Кроме философии, в высших школах, которые закончили Авзоний и Аполлинарий Сидоний, преподавали право. С.В. Ешевский утверждает, что кафедры права были не только в Лугудуне и Бурдигале, – они существовали во всех главных городах Галлии [9]. Из преподавателей особой

известностью пользовался Леон Нарбонский, перед которым, по словам Аполлинария Сидония, замолчал бы сам Аппий Клавдий, основатель римской юриспруденции, услышав, как профессор объясняет «Законы XII таблиц» («Похвала Консентию». 449). К знаменитым галльским юристам V в. относились также Марцеллин из Нарбона и Тетрадий из Арелаты (Арля) (Апол. «Похвала Консентию». 465; Ер. III. 10). Характер преподавания права в риторических школах Галлии представить сложно. По аналогии с известными нам юридическими школами в Берите (совр. Бейрут) и Константинополе (Стамбул) мы можем предположить, что на занятиях по праву изучалось римское законодательство с древнейших времён (Авз. «Гриф о числе три». 60) до последних законодательных актов императоров. Студенты, видимо, анализировали высказывания прославленных юристов и разрозненные императорские конституции, которые были собраны в крупнейших памятниках римской юридической мысли – Институциях Гая (III в.), позже – в Кодексе Юстиниана (VI в.). С азами в области права, приобретёнными Авзонием в его риторической школе, мы знакомимся по стихотворению «Гриф о числе три». Авзонию известны «Законы XII таблиц» – первое письменное римское законодательство середины V в. до н.э. Он помнит законы о возмещении утраченного, о сохранении и приобретении имущества [10] («Три интердикта гласят о владенье: «Откуда исторгнут силой» – один, «Где бы ни был», – другой, и «Каких достояний» – 62 – 63). Он знает три пути достижения свободы: по рождению, по отпущению на волю и по завещанию, а также три способа лишения её: через отнятие гражданства, личной свободы и жизни (64). В послании «К Феону, с приглашением в гости» Авзоний

упоминает ещё один древний закон, дававший ответчику на явку в суд время из расчёта: один день на 20 миль в пути [11].

Таким образом, правовая подготовка, полученная не в специализированных юридических школах, должна была вооружить выпускников необходимыми для их повседневной жизни знаниями в области юриспруденции. В то же время не следует забывать, что риторические школы подготавливали не только городских ораторов, но также адвокатов и государственных чиновников. Авзоний, рассказывая о своих преподавателях, неоднократно подчёркивает, что некоторые из них прославились не только как риторы, но и как адвокаты, «на форуме победные», например, Латин Алким Алетий в Бурдигале (Profes. 2, 7), Эмилий Магн Арборий в Толозе («О родных». 3, 13 – 14). Некоторые даже возглавляли провинциальное судопроизводство (Profes. 5, 29). Следовательно, выпускникам риторических школ было достаточно имеющихся у них юридических знаний, чтобы выигрывать судебные процессы и даже вершить суд.

При комментировании образцовых текстов студенты, как и учащиеся грамматических школ, сталкивались с географической, исторической, мифологической информацией, поэтому преподаватели должны были помочь своим воспитанникам преодолеть возникающие при изучении содержания текстов трудности, связанные с их толкованием. Специальных учебных дисциплин «история» или «география» в риторических школах не было, поэтому нет ничего удивительного, что выпускники имели самые общие, порой сомнительные с точки зрения науки знания в этих областях.

Для Сидония география воспринималась как перечень гор, рек, городов и стран, упоминавшихся в литературных произведениях. Изложив в стихах

историю Рима до I в. (песни VII, 55 – 166; II, 440 – 478), он одновременно продемонстрировал нам свои географические познания. Реку Ганг он переносит из Индии в Аравию, индийцев смешивает с жителями Африки – эфиопами, скифов отождествляет с гуннами и помещает то на Дунай, то на Дон (Танаис). Даже описывая Германию, граничащую с Галлией, он допускает ряд географических неточностей.

Авзоний, в отличие от Аполлинария Сидония, более точен в своих географических экскурсах, так как он укладывает в стихи информацию только о хорошо известном ему географическом пространстве.

К истории оба автора относятся как к области нравственной философии, этике, которая должна воспитывать подрастающее поколение на примерах добродетели, любви к отечеству и формировать представления о добре и зле. Такие взгляды были сформированы под влиянием творчества Квинтилиана – знаменитого римского преподавателя, автора трактата «Воспитание оратора», который считал историю разновидностью ораторского жанра, но предназначенную своим высоким стилем возвышать душу читателя (Quint. X. 1, 311). Подобное восприятие истории не способствовало появлению исторических исследований. Гораздо более актуальными становились краткие извлечения (бревиарии), сокращения (компендиумы), которые могли служить показателем энциклопедической образованности и, вместе с тем, не содержали претензий на научную скрупулёзность и глубокий анализ фактов, событий, процессов (см. к примеру, Авз. «О героях», «О двенадцати цезарях по Светонию»).

Таким образом, структура образовательного процесса в риторических школах, их «учебные планы» и программа были направлены на трансляцию знаний, формирующих эрудированного человека, достойного

признания элитарного круга за любознательность и энциклопедизм, заслуживающего похвал за широкий кругозор. Риторическая школа прививала любовь к познанию, интерес к дотошной, ювелирной филологической деятельности. Она вооружала практическими умениями: анализировать лингвистические тонкости литературных произведений, сравнивать, подготавливать сообщения, комментарии, выступления. Она развивала навыки интеллектуальных видов деятельности. Неудивительно поэтому, что многие выпускники риторических школ смогли сделать блестящую карьеру.

Аполлинарий Сидоний до принятия духовного звания «вращался» в высших сферах императорского Рима. Его умение писать панегирики не только прославило его, но и позволяло получить немало наград: статуя в Риме, придворный чин, высокую должность префекта Рима.

Поэт из Галлии Рутилий Намациан занимал высокие посты «начальника ведомств» и префекта города Рима [12]. Аттий Тирон Дельфидий до начала преподавательской карьеры в Бурдигале был префектом претория и наместником провинции (Aus. Profes. 5, 15 – 30).

Риторические школы, как справедливо подметил М. Гаспаров, обеспечивали единство взглядов и художественных вкусов [13]. В этом проявлялось их теоретическое предназначение. В практическом плане они полностью удовлетворяли потребности поздней империи в чиновниках, юристах, администраторах. Поэтому бесполезными или никчёмными занятия в риторических школах нельзя назвать, хотя такое мнение представлено в историографии [14]. Более того, рост служебной карьеры происходил быстрее, если человек владел искусством речи, особенно – даром писать стихи, и именно эти интеллектуальные задатки развивала риторическая школа, её профессора.

Примечания

1. См.: Ярославский педагогический вестник. 2002. № 4.
2. Все ссылки на сочинения Авзония сделаны по изд.: Поздняя латинская поэзия / Пер. М. Гаспарова, М. Грабарь-Пассек, Ю. Шульц, В. Брюсова. М., 1982. С. 37 – 188; Аполлинарий Сидоний также цит. по изд.: Поздняя латинская поэзия. С. 543 – 571.
3. Конечно, надо иметь в виду, что и Авзоний, и Аполлинарий Сидоний занимались самообразованием, но отделить этот пласт образованности от того, что достигался обучением в школах третьей ступени, не представляется возможным.
4. Беркова Е.А. Влияние школы на формирование литературных вкусов Сидония Аполлинария // Вопросы античной литературы и классической филологии / Отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек. М., 1966. С.368.
5. Цит. по.: Ешевский С.В. К. С. Аполлинарий Сидоний. Эпизод из литературной и политической истории Галлии V века. М., 1855. С. 12.
6. Там же. С. 14.
7. Поздняя латинская поэзия. Указ. изд. С. 630.
8. Поздняя латинская поэзия. Указ. изд. С. 630.
9. Ешевский С.В. Указ. соч. С.5.
10. Поздняя латинская поэзия. Указ. изд. С. 630.
11. Там же. С. 636.
12. Рутилий Намациан. Возвращение на Родину // Поздняя латинская поэзия. Указ. изд. С. 5 – 15.
13. Гаспаров М. Введение // Поздняя латинская поэзия. Указ. изд. С. 13.
14. Брюсов В. Великий ритор. Жизнь и сочинения Децима Магна Авсония // Русская мысль. Кн. III. М., 1911. VIII. С. 12; Общая история европейской культуры / Под ред. И.М. Гревса, Ф.Ф. Зелинского, Н.И. Кареева, М.И. Ростовцева. Т. VII. История Франции в раннее средневековье. Спб., 1913 С. 233 – 234; Ешевский С.В. Указ. соч. С. 25 и 33; Савукова В.Д. Состояние латинской образованности в Галлии периода падения Римской империи // Вопросы античной литературы и классической филологии / Отв. ред. М.Е. Грабарь-Пассек. М., 1966. С. 351.